

9

Революция

В субботу 26 мая 2001 года Эклстоун устроил в Монако вечеринку в честь дня рождения Славицы — ей исполнилось 43. Обычно он вел весьма скромный образ жизни: возвращался домой сразу после шести и съедал на кухне приготовленный женой ужин, — но в этот раз одолжил у американского бизнесмена Джона Макколла свеженькую яхту «Ле гран бле» с пятью десятками человек команды.

— Вот только палубу жалко — она у тебя аж блестит, — предупредил владельца самой большой в мире частной яхты Эклстоун.

— Ничего, — успокоил его тот.

На следующее утро Эклстоун встал рано и обнаружил, что новехонькие деревянные панели все в отпечатках от дамских каблучков, да еще и залиты красным вином. Пока Славица спала, он велел команде все убрать. На суету не обратил внимания никто, кроме жены. Славица даже во сне ощущала дотошность мужа, которая ее здорово раздражала.

Сама вечеринка Эклстоуну, конечно же, не понравилась. Поприветствовав гостей, он ускользнул куда-то в дальний угол, а потом направился в свою каюту. Оставшись одна, Славица безраздельно завладела вниманием публики. Все знали, насколько взрывоопасна эта пара. Упрямая, ревнивая и неуступчивая, Славица по любому поводу накидывалась на мужа и никогда не избегала ссоры. Эклстоун всегда молча выслушивал хвастовство жены, будто бы он обязан своим успехом исключительно ее популярности. Он не раз замечал: алкоголь распаляет в ней дерзость и твердую убежденность в изменах мужа. В интервью одной из газет он признавался: «Славица часто кричит,

а временами швыряется посудой. Тогда я прячусь в другой комнате, потому что ей просто нравится надо мной измываться». Однажды он даже в шутку повесил на дверь кухни табличку: «К черту собаку. Осторожно, злая жена».

Славица понимала, как раздражает многих ее нахальство, однако Экклстоуну такая вульгарность только нравилась.

— Со Славицей всегда весело, — заявлял Экклстоун, отлично зная, что она даже не разговаривала со многими гостями (большей частью из мира «Формулы-1»). Славица окружала себя знаменитостями, а из общих друзей признавала всего нескольких — в их числе Мосли и Флавио Бриаторе.

— Бросай свою «Формулу», — орала она на Экклстоуна, — или я ухожу!

Экклстоун никогда не понимал, серьезно она говорит или нет. Его завораживал постоянный огонь, которого не хватало в жизни с родителями и двумя предыдущими женами. Он обожал вспоминать тот вечер в Риме — как раз незадолго до ее дня рождения, — когда они встречались с одним важным немецким дельцом. За ужином Славица с немцем мило болтали. После полуночи, по дороге в отель «Хасслер», тот стал клеиться к симпатичной женщине-полицейскому и следующие четыре часа провел за решеткой, пока Экклстоун договаривался, чтобы его выпустили. Вспоминая эти веселые приключения, он забывал про недовольство.

— Славица меня временами злит, но она все равно отличная мать и порядочная женщина. Настоящая итальянская мамаша, которая не потерпит дома посудомоечной машины и прекрасно обходится без няни. Она всегда сама меняла подгузники.

В ответ на похвалу Славица саркастически бросила:

— Да, дорогой, я тебя тоже люблю. Хотя ты меня бесишь.

Она жаловалась, что муж не понимает, как она нуждается в эмоциональной поддержке и как мало ее волнуют деньги. Ничего удивительного тут не было. По сравнению со среднестатистическим хорватом Экклстоун был человеком сдержанным, а вот в напускное равнодушие жены к побрякушкам он не верил. Яхта,

отель в Гштаде, лошади, которых тренировал Джонни Хамфрис, и самолеты в основном простаивали без дела, однако его грела мысль, что они есть. Славица этого понять не могла. «Тяжело быть замужем за трудоголиком. Он совершенно не уделяет мне времени», — жаловалась она. Ее злили миллиарды мужа, которые не несут ему никакой радости. Вечерами он просто ничего не делал — совсем как на ее дне рождения, — и трудно было поверить, что это правда доставляет ему удовольствие.

Как заметил кто-то из друзей, слухи о постоянных ссорах вредят детям и имиджу «Формулы-1», поэтому они решили притворяться, будто живут в мире и согласии. В одном интервью Эклстоун утверждал: «Мы всегда вместе. По субботам ходим за продуктами в «Уэйтроуз». Он рассказывал, как любит помогать дочкам делать домашнее задание, а вечерами смотрит их спортивные выступления. «Дочурки всегда со мной, — совершенно искренне говорил он, — я люблю их больше всего на свете».

Славица тоже хвалила дочек: «Они знают цену деньгам. Я приучила их к бережливости... Они не гонятся за лейблами, не требуют “Гуччи” и “Прада” — это же безумие какое-то». Она заявляла, что вечерами они обожают смотреть «Кто хочет стать миллионером?» и слушать «Битлз». Эта дочь пожарного умильно щебетала: «Однажды я вернусь в Хорватию, поселюсь на островке, стану ловить на лодке рыбешку — вот оно, счастье. Ни за что не буду заниматься «Формулой-1».

Для тех, кому эта семейная идиллия казалась несколько преувеличенной, Славица добавляла: «Мне нравится быть выше — так легче обнимать мужа. Он просто прелесть». Ранее везде писали, что ее рост — метр восемьдесят пять, а у мужа — метр пятьдесят пять, теперь же, чтобы не портить гармонию, Славица привела другие цифры: метр семьдесят пять и метр шестьдесят. Эклстоун внес свою лепту, пусть и чуть более приземленным образом: «Я понял, что Славица не такая, как все, когда переспал с ней в третий раз».

Перемирие длилось недолго. Славица мучилась — она не могла понять, как устроено лондонское общество, чем занимается муж,

почему он так боится стать кому-то обузой, когда состарится. Она словно с цепи сорвалась и была вечно недовольна.

Теперь Славица угрожала не уйти от него, а позвонить в полицию, и Экклстоун даже стал иногда звать на помощь Рона Шоу. Тот вместе со своей женой Ви мчался в Найтсбридж успокаивать Славицу.

«Она втянула его во что-то непонятное, постоянно над ним издевалась», — говорил один из приятелей Экклстоуна. Кое-кто из друзей считал, что эти мучительные ссоры велись из-за детей. Другие полагали, что Экклстоун не мыслит себе супружескую жизнь без оскорблений, и остались при своем мнении, даже когда он приехал на работу мрачный, испуганный и с подбитым глазом. Так Славица отомстила Экклстоуну в Монце, увидев, как муж шествует рядом с красавицей моделью.

— Она решила, что у нас все серьезно, хотя я просто дурачился, — объяснил Экклстоун.

В такие моменты он сочувствовал жене и понимал ее гневные вспышки. С тех самых пор, как Момир Благоевич пытался шантажировать ее статьей в хорватской газете, у Славицы иногда случались депрессии и приступы панического страха. При содействии Экклстоуна газета «Сандей миррор» опровергла клевету Благоевича, однако появлялись все новые и новые неприятные подробности. Другой фотограф предложил немецкому таблоиду «Бильд» совершенно непристойные фото Славицы, и Экклстоуну пришлось выложить кругленькую сумму, чтобы они не увидели свет. Не радовали его и рассказы о том, чем она занималась в хорватских отелях еще во времена коммунистов.

— Да, я не ангел и в юности вытворяла дикие вещи. Но проституткой я не была, — убеждала его жена.

По настоянию Славицы они подали в суд на Благоевича и газету. Поначалу это была просто катастрофа: частые поездки в Хорватию, проволоочки и сплошное унижение. В конце концов Благоевичу пришлось извиниться, а газету закрыли. Однако бывший бойфренд все равно звонил Славице. «Он просто сумасшедший, — говорила она. — Он на мне помешан. Настоящий лунатик».

В качестве лечения она стала давать газетам откровенные интервью о собственных проблемах и рассказывала о дружбе со звездой хорватского тенниса Гораном Иванишевичем, которому она помогала бороться с неудачами на корте. В конце концов Славица поняла: ни за какие богатства ей не купить того, в чем она правда нуждается. Точно так же и Эклстоун хотел, чтобы его снова считали циничным дельцом, которому все нипочем. Когда Благоевич проиграл дело, Берни не отказал себе в удовольствии подойти к шантажисту прямо в зале суда, схватил его за грудки и пригрозил: «С нами, карликами, лучше не ссориться».

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Эклстоун купил через офшорную фирму особняк на Кенсингтон-Пэлас-Гарденс — закрытой для прохода улице у западного края Гайд-парка. Два дома (номер 18 и 19), в которых раньше располагались посольства, были объединены в один по указанию иранского девелопера Давида Халили. Сообщалось, что он вложил в здание 84 миллиона фунтов. За 50 миллионов фирма Эклстоуна приобрела мраморный дворец с огромным залом, одиннадцатью спальнями и подземной парковкой на двадцать машин. Попав туда впервые, Славица переезжать отказалась. Еще два визита ее не переубедили. «Дом продавали дешево, вот я и купил», — объяснил Эклстоун и продал его в 2004 году сталелитейному магнату из Индии Лакшми Митталу за 105 миллионов долларов.

Эклстоуну исполнился 71 год, однако Славица добрее не стала. Когда он явился на кухню полюбоваться праздничным тортом, она едко бросила:

— Ну что ты такой несчастный? Сегодня же праздник. Убейся с кухни, езжай к себе в офис и поработай.

Он трудился не покладая рук и хотел одного — спокойствия. Они регулярно ссорились во время еды, после чего Эклстоун молча доедал и пил пиво, а Славица беседовала с дочками. Как-то раз он ушел в расстроенных чувствах, а в комнате остались его семнадцатилетняя дочь Тамара и ее жених Джон Кетерман, которому было 22 года. Кетерман сделал ей предложение уже на пятый день

знакомства. Он был частым гостем в доме Эклстоунов и видел жуткие ссоры родителей невесты. Однажды они все вместе ехали в кино, и Кетерман вдруг услышал с заднего сиденья вопль Славицы:

— Тормози! Что ты несешься как сумасшедший?

Ей показалось, что муж не туда свернул. Славица вдруг схватила его за волосы и ударила головой о боковое стекло. Эклстоун остановился у обочины, а она выскочила из машины и разрыдалась. Наконец Славица успокоилась, и все вместе пошли в кино пешком.

До свадьбы дело так и не дошло, а Кетерман продал эту историю и еще много эпизодов из жизни семейства Эклстоунов одной воскресной газете. В следующую субботу за традиционным кофе друзья Берни никак не могли обойти происшествие с избиением в машине.

— Послушайте, — заявил Эклстоун, — ведь есть люди, которые за это платят. А мне не приходится.

На следующее утро после дня рождения Славицы катер вез его с яхты в паддок, и на лице Эклстоуна нельзя было прочесть ни намека на размолвку с женой. Он устроился у себя в моторхоуме, и ранние посетители (в их числе его администратор Карлхайнц Циммерман) даже не догадывались, что владельца «Формулы-1» терзают сомнения по поводу собственного брака. Эклстоун никогда не показывал своих чувств. Даже в кругу верных соратников малейший намек на семейные проблемы был бы проявлением слабости. Что бы ни вытворяла Славица, он не пожертвует браком — во многом именно потому, что уже привык жить в состоянии войны.

С помощью скрытых видеокамер Эклстоун на четырех экранах следил за жизнью «Формулы-1» прямо из кожаного кресла в дальнем углу моторхоума. Флавио Бриаторе с уморительной важностью бродил у входа в паддок, надеясь побеседовать с теми, кто будет решать его судьбу. Эклстоун с интересом наблюдал, как тешит собственное тщеславие его друг, новая команда которого — «Рено» — застряла на четвертом месте. Один из экранов был подключен к камере у входа

в моторхоум, чтобы его владелец мог разглядывать посетителей. Кто-то приходил по делу, кто-то хотел воспользоваться его именем, кто-то — знакомством, а некоторые вообще рассчитывали втереться в доверие и стать ему «вместо сына». Заходили представители семи стран, желающих провести свой Гран-при в 2004 году вместо двух неназванных пока автодромов, которые Эклстоун собирался исключить из календаря. Кое-кто предлагал 40 миллионов долларов за гонку с ежегодной прибавкой 10%, тогда как старые европейские автодромы платили 10 миллионов. Как предсказывал проницательный Эклстоун, «через десять лет европейская экономика скатится до уровня стран третьего мира. Европа не сможет конкурировать с Китаем, Кореей и Индией».

Рост азиатской телеаудитории приносил все бóльшую прибыль. Спросителями он держался внушительно, остальные же понимали: перед ними человек, заперший себя — как в профессиональном, так и в личном смысле — в золотой клетке, которую сам же и соорудил. За стенами его крепости раскинулись лагеря команд, враждебно разглядывавших друг друга на стартовой решетке. Между ними сновал Мосли. Он чувствовал, что где-то возникли трения, и, как и Эклстоун, быстро определил их причину.

Лука Монтеземоло капризничал больше обычного. Перед своим офисом в Маранелло он вывесил огромную черно-белую фотографию победного финиша Ники Лауды на Гран-при Испании в 1974 году. Расплывчатая фигурка в неистовом ликовании размахивала руками возле болида и клетчатого флага. Это был сам босс «Феррари» Лука Монтеземоло, запечатленный в день своей первой победы.

Все признавали его заслуги — и Эклстоун не исключение. После прихода в «Феррари» Жана Тодта самоуверенный итальянец перестроил команду. Он пригласил лучшего в мире конструктора Росса Брауна и блестящего специалиста по аэродинамике Рори Бирна. После двадцати лет упадка «Феррари» им удалось, объединив усилия, удовлетворить все запросы Михаэля Шумахера и привести его к титулу чемпиона в 2000 году.

На следующий год Шумахер и «Феррари» доминировали весь сезон. «Жаль, что у нас нет еще парочки таких же, как Михаэль, ведь он не признает поражений», — критиковал его неудачливых оппонентов довольный Экклстоун. В Монако у «Макларена» с «Уильямсом» было мало шансов навязать борьбу могучей команде Монтеземоло, поэтому гонка ожидалась скучная. Экклстоуну всегда удавалось сыграть на эгоизме боссов команд, однако Монтеземоло вдруг перестал поддаваться на его уловки. Итальянца взбесил приезд в Маранелло Дитера и Вольфганга Ханов — представителей Лео Кирша.

— Они не из «Формулы-1» и сделают ей только хуже, — заявил он Экклстоуну. Поразмыслив еще немного, итальянец добавил: — Говоришь, ты продал свой бизнес. Так вот, это наш бизнес.

Он отлично знал, что Экклстоун выручил уже больше 2 миллиардов долларов, и с нетерпением ждал от Кирша еще миллиард.

Немецкий медиамагнат оказался в ловушке. Заполучив долю ЕМ.TV, он стал владельцем половины акций «Формулы-1», но вынужден был купить у Экклстоуна еще 25% за миллиард, поскольку недалековидный Хаффа взял на себя такое обязательство. Киршу, разумеется, не хотелось платить, однако Экклстоун объяснил ему, что отказ обойдется куда дороже.

В сущности, Экклстоун вел игру в покер. Заплатив ФИА 60 миллионов долларов за столетнее пользование правами на «Формулу-1», он отказывался перечислять остальные 300 миллионов, пока не получит миллиард от Кирша. После неожиданно жаркого спора Мосли заподозрил, что его партнер «водит нас за нос и, того и гляди, не сдержит слово и не заплатит 300 миллионов, чем сильно меня расстроит». Опасаясь худшего, Мосли в феврале 2001 года обратился к Гордону Поллоку — известному лондонскому адвокату и знатоку коммерческого права — с вопросом, может ли ФИА оспорить право Экклстоуна на «Формулу-1» и все связанные с ней товарные знаки.

— Не стоит вам с этим связываться, — сказал Поллок. — В аналогичной ситуации стороны как-то провели в суде в общей сложности сто девятнадцать дней — и это были только предварительные слушания. В итоге они, разумеется, пришли

к соглашению. Нет смысла долгие годы судиться с Берни, тем более что дело вам не выиграть.

Мосли нужно было как-то разорвать порочный круг.

Экклстоун давил на Кирша. Согласно заключенным контрактам, если Экклстоун не выплатит Мосли 300 миллионов долларов, все приобретенные Киршем права истекут в 2010 году. У немца имелось много разных активов, в том числе права на телетрансляции чемпионата мира по футболу, однако, если инвестиции в «Формулу-1» не вернутся, его империю ждало неминуемое банкротство. Киршу требовалось выручить миллиард долларов за счет размещения акций своей компании, но для этого Экклстоун должен был сначала подписать документы о столетней аренде прав.

Мосли хотел, чтобы Кирш надавил на Экклстоуна, поэтому он отправился в Турин на встречу с Паоло Кантареллой — реанимировать план «Фиата» отделиться и создать свой чемпионат. В октябре 2000 года Кантарелла от лица пяти автопроизводителей предлагал выкупить у Экклстоуна «значительную долю» «Формулы-1». По их поручению в январе 2001 года представитель банка «Голдман Сакс» встречался с Маллинсом в Париже и изложил тому подробный план приобретения «Формулы-1», однако переговоры быстро застопорились.

— Вы не хотите повторить свое предложение? — спросил Мосли.

— Мы займемся «Формулой-1» после 2010 года, — ответил итальянец.

4 апреля Кантарелла официально объявил о создании альтернативной «Формуле-1» группы команд. Через несколько дней его поддержало руководство «Рено», BMW и «Мерседеса». К ним присоединился директор новой команды «Ягуар». «Появление конкурентов отвлечет внимание Берни», — подумал Мосли, а Экклстоун, узнав о случившемся, обвинил его в «вымогательстве».

— Заплати до 21 апреля, — ответил Мосли, — иначе мы договоримся с кем-нибудь другим.

Потом он занялся Киршем.

— Если столетняя аренда не состоится, ты рискуешь все потерять, — сказал ему Мосли.

Немец согласился немедленно перечислить миллиард долларов, после чего Эклстоун все же нехотя подписал документы по столетней аренде, притом что сам он выложил только четверть от необходимых 300 миллионов — на остальное пошли деньги Кирша. Заключив в общей сложности семь разных договоров, Кирш с Эклстоуном перечислили ФИА 300 миллионов. Тогда Мосли заявил:

— Я требую выплатить проценты за просрочку. Это еще 13 миллионов 600 тысяч.

21 апреля 2001 года все документы были готовы. «Формула-уан менеджмент» соглашалась ежегодно перечислять ФИА 12 миллионов долларов на управленческие расходы. В день подписания у Эклстоуна ни с того ни с сего сдали нервы. Он безостановочно названивал Стивену Маллинсу, пока тот не сообщил, что миллиард долларов благополучно перечислен на счет трастовой компании. Без всякого размещения акций Эклстоун заработал больше 3 миллиардов и по-прежнему сохранял контроль над компанией, владея всего лишь ее четвертью.

Миллиард Кирша оказался бомбой замедленного действия, но об этом пока никто не знал. В последний момент он взял ссуду сразу у трех банков. Больше всех ему одолжил мюнхенский «Байерише ландесбанк», председатель совета директоров которого был приятелем Кирша и премьер-министром Баварии. Он одобрил ссуду, а взамен договорился с Киршем, что его телекомпании поддержат правящую в Баварии партию консерваторов на ближайших выборах. Поразительно, но в спешке банк не стал посылать в Лондон своих сотрудников и проверять состояние дел в «Формуле-1». В «Байерише ландесбанк» решили, что консультанты ЕМ.TV уже провели все необходимые проверки. Они не знали о существовании «пункта о дивидендах», согласно которому Кирш мог лишиться всех доходов (а значит, и возможности выплачивать проценты — не говоря уже о самой ссуде). Кроме того, этот пункт сильно ограничивал его контроль над «Формулой-1».

У Кирша было 75% акций, однако единоличным владельцем бизнеса оставался Экклстоун, и он же забирал себе все доходы.

Узнав о пятой по счету крупной финансовой операции Экклстоуна, Лука Монтеземоло вышел из себя. Впоследствии он указывал, что именно в этот момент «по-настоящему сцепился с Берни». Шесть дней спустя Экклстоун сидел у себя в моторхоуме в Монако. Посреди гонки он поехал на вертолетную площадку и улетел из Ниццы в Лондон, пропустив победный финиш Шумахера на «феррари». Монтеземоло был доволен выступлением команды, но по-прежнему зол на Берни. Они с Кантареллой потребовали отдать командам все доходы от телетрансляций, рекламы и прочих услуг для зрителей, почти 70% которых Экклстоун забирал себе.

Когда пыль осела, Экклстоун заметил:

— Паоло Кантарелла мечтает заполучить «Формулу-1».

«Королевские автогонки» приносили автопроизводителям немалую пользу. «Мерседес», «Фиат», BMW, «Тойота», «Форд» и «Рено» рекламировали с ее помощью свою продукцию в России, Китае, Индии, Бразилии и на других растущих рынках. Вернувшись в «Формулу-1», компания «Рено» продала к 2010 году на 2 миллиона машин больше. «Тойота» с «Хондой» готовились выставить свои команды и потратить крупные суммы на телевизионную рекламу.

— Начинается новая эра, — заявил Экклстоуну Монтеземоло. — Твои дела идут хорошо, но этот бизнес принадлежит и нам тоже. Мы актеры, а если нет актеров, то нет и шоу.

Экклстоун презрительно усмехнулся. Театр ведь не принадлежит актерам. Однако Монтеземоло уверял, что его группа обойдется без Экклстоуна и сумеет напрямую договориться с банками, автодромами и телекомпаниями. Он требовал отдать командам все деньги, которые шли Экклстоуну на погашение облигаций. Группа Монтеземоло хотела заполучить все доходы, но готова была удовлетвориться 85% ежегодных поступлений, которые составляли 700 миллионов долларов.

Ожидая, что Экклстоун откажется, Кантарелла обратился к Гордону Дайаллу из «Голдман Сакс». Он задумал организовать

в 2007 году «Гран-при чемпионат мира» (ГПЧМ) по истечении «Договора согласия». Однако многие автопроизводители сомневались, что трудности раскола вообще преодолимы. На поддержку ФИА можно не рассчитывать, связанные контрактами автодромы не позволят проводить у себя гонки, телекомпании тоже имеют обязательства перед Эклстоуном, а в интересе спонсоров полной уверенности нет. И все же, несмотря на все преграды, их объединяла нелюбовь к Киршу.

Монтеземоло во всем подражал Энцо Феррари: он редко приезжал на гонки, а все встречи назначал у себя в Маранелло. Тем не менее в ноябре 2001 года он полетел в Женеву и выступил на первом собрании ГПЧМ с речью, в которой превозносил свои уникальные познания в сфере новых рекламных технологий, привлечения спонсоров и глобального маркетинга. Монтеземоло заявил, что блестяще справился с проведением в Италии чемпионата мира по футболу 1990 года и благодаря ему ГПЧМ уничтожит Кирша. Вести из Женевы Эклстоуна не тревожили. Он выпятил грудь, словно боксер, и заявил: «Эти тупицы и десять шиллингов вместе не заработают». Он собирался раскрыть их блеф, однако события развивались слишком стремительно.

Перед самым Рождеством «Дойче банк» объявил, что империя Кирша больше не кредитоспособна. В феврале 2002 года представитель банков, выдавших Киршу ссуду на 1,5 миллиарда («Байерише ландесбанк», «Джей-Пи-Морган» и «Леман бразерс»), предложил Кантарелле и ГПЧМ купить принадлежавшие Киршу 75% акций «Формулы-1». Кантарелла упустил эту возможность, чему Эклстоун ничуть не удивился. Как итальянец ни хорохорился, он собирался управлять «Фиатом», а не гоночной серией.

Отказ Кантареллы не помешал Монтеземоло обрушиться на Эклстоуна за то, что «Формула-1» в четвертый раз за три года сменила владельца. В действительности же Эклстоун нервничал. Он понял: искать финансирование у банков «вроде бы отличная идея, только она не работает». Без компетентных консультантов дела пришли в полный беспорядок. Он «принимал все решения

на ходу» и гордился этим, но опасался, что его мало кто понимает. Экклстоун публично обвинял в продаже акций свои же трастовые компании. «В этих акциях частичка моей жизни, а теперь я ее потерял», — жаловался он, рассчитывая уговорить критиков. По его мнению, виноват во всем был Стивен Маллинс.

Долги Кирша составили 1,8 миллиарда долларов, что привело к политическому кризису в Баварии. Видя, какие трудности испытывает «Байерише ландесбанк», Экклстоун решил: вот она, отличная возможность выкупить «Формулу-1» по дешевке.

— Если «Формула-1» достанется банкам, то они мигом ее разорят, — говорил он Брайану Пауэрсу.

К счастью, представитель баварского банка Томас Фишер оказался человеком, с которым вполне можно иметь дело. Экклстоун отметил, что тот, как бывший боксер, «смотрится уверенно и держит удар», а также обладает невероятным самомнением. Экклстоун несколько раз приглашал его на гонки, где немца водили по паддоку, а он при встрече со знаменитостями хвастливо подддерживал подтяжки.

— Я новый председатель, — заявлял Фишер и добавлял, кивая на Экклстоуна: — А это мой исполнительный директор.

Вникая в трудности управления «Формулой-1», немец понемногу приходил в замешательство, что очень радовало Экклстоуна. Вернувшись в Мюнхен, Фишер объявил: банку нужно как можно быстрее продать акции. Экклстоун предложил 600 миллионов долларов и рассчитывал на согласие Фишера, поскольку больше никто не даст. Сорокатрехлетний Герхард Гriebковски, работавший в банке специалистом по управлению рисками, был в ужасе. Он объяснял Фишеру:

— Глупо так продавать. Предложения будут либо смешные, либо совсем нереальные.

К разочарованию Экклстоуна, в марте 2003 года Гriebковски добился отстранения Фишера. Хуже того, журналистам он заявил:

— «Формула-1» принадлежит банку, и он не планирует продавать свою долю.

Экклстоун попросил Пауэрс слетать в Мюнхен и договориться о покупке акций, но ничего не вышло. «Мюнхенская мафия взяла верх», — сообщил Пауэрс.

— Посмотрю-ка я на этого парня и раскрою ему глаза на жизнь, — бросил Экклстоун в разговоре со своим юристом Сашей Вудвард-Хилл.

На следующий день он позвонил Грибковски:

— Это Берни. Ничего тебе не принадлежит. Хочешь поговорить — приезжай в Лондон.

Как вспоминал сам Грибковски, их первая встреча на Принсес-Гейт «прошла напряженно». Усевшись на диван в кабинете Экклстоуна, он объяснил, что располагает пакетом в 75% акций.

— А вы, — заявил он хозяину кабинета, — просто исполнительный директор, действующий в интересах акционеров.

Экклстоун улыбнулся и ни с того ни с сего вдруг стал прощаться. Своим сотрудникам он говорил: «Я ему показал правду жизни». Грибковски понял: война с Экклстоуном будет кровавой.

— Нужно избегать полномасштабной битвы, — доложил он начальству в Мюнхене.

В действительности же Грибковски только подбирался к тщательно выстроенному лабиринту коммерческих фирм Экклстоуна. Принадлежащая семье Экклстоунов трастовая компания «Бамбино» владела всего 25% «Формулы-1», однако она контролировала целую сеть других фирм. Грибковски помнил, что говорил Экклстоун: «Без санкции “Бамбино” эти компании и пальцем шевельнуть не могут». Правда, о своей уникальной способности сооружать все новые и новые барьеры, преграждая входы и выходы из лабиринта, глава «Формулы-1» не упомянул. Как пошутил однажды Мартин Брандл, «Берни привязывает к акциям ниточки, продает их, а потом утягивает обратно».

Дальше Экклстоун воспользовался абсолютной беспомощностью банка и нанес следующий удар: «Банк получил долю в предприятии, которое ему совершенно не нужно, и теперь пытается выпутаться из него, сократив потери. Если бы они проверили

все как полагается, прежде чем давать Киршу деньги, то поняли бы: акционерное соглашение сформулировано таким образом, что без разрешения «Бамбино» банк и шевельнуться не может».

Ключевой фигурой в плане Эклстоуна был Стивен Маллинс — он был членом правления «Бамбино» и сидел в кабинете на Принсес-Гейт. Втайне от банка Маллинс предложил сделать так, чтобы в правление «Формула-уан администрейшн» начиная с 2002 года входили лишь трое директоров: сам Маллинс — от «Бамбино»; Эклстоун — как исполнительный директор ФОА и один представитель трех банков. Империя Кирша рухнула в апреле 2002 года, и в суматохе Грибковски упустил этот важный момент. В сентябре 2002 года Эклстоун с Маллинсом «одобрили» предложение. Банки навеки оказались в меньшинстве с одним голосом против двух: Эклстоуна и Маллинса.

Грибковски понял, что Эклстоун провернул очень ловкий маневр: владелец 25% акций контролировал «Формулу-1», по сути, в одиночку. Тогда немец связался со своими американскими товарищами по несчастью (оба банка одолжили Киршу гораздо меньше, чем баварцы) и объяснил: нужно забрать у Эклстоуна компании ФОА и ФОХ — в противном случае всем трем банкам не видать своих денег. К его удивлению, американцы отказались открыто выступать против Эклстоуна. Они не хотели проиграть суд и потерять лицо, а вместо этого предлагали сотрудничать. Видя разлад в стане банкиров, Эклстоун с удвоенной энергией стал воплощать в жизнь свой план: как можно больше все запутать. Он позвонил американцам и стал отрицать слова Грибковски. Он угрожал развалить «Формулу-1» и перебраться в чуть более скромную серию GP2, а также упомянул, что планирует рефинансировать свой бизнес и лишит банки всех активов. Как подчеркивал Эклстоун, это именно они не изучили контракты должным образом и поэтому утратили контроль над своими неразумными инвестициями, за которые «Бамбино» даже дивидендов выплачивать не собирается. Угрозы производителей уйти в альтернативный чемпионат ГПЧМ придали его словам еще бóльшую убедительность. И наконец, последний штрих: Эклстоун сделал

вид, будто от него ничего не зависит. Он, мол, не контролирует «Бамбино». Грибковски должен жаловаться именно им — а для этого нужно появляться на заседаниях правления «Формула-уан менеджмент». Про себя Эклстоун с улыбкой отметил, что Стивен Маллинс — идеальное средство от недовольных банков.

— Этот Маллинс просто кретин, — жаловался ему Грибковски по телефону. — Несговорчивый, вечно все оборачивает себе на пользу.

Эклстоун знал, что для Маллинса справиться с Грибковски — дело чести, но на словах сочувствовал немцу:

— Да, я и сам Маллинса терпеть не могу. Увы, я не в силах допустить вас к управлению.

Поддерживая дружеские отношения с Грибковски, Эклстоун немного успокаивал немца. Тот злился, что «Формула-1» по-прежнему остается в руках Эклстоуна. Брайан Пауэрс и Робин Сондерс снова попробовали выкупить долю банков, но Грибковски счел их предложение смехотворным:

— Это грабеж. Я хочу вернуть все вложенные средства.

Несмотря на разногласия, Грибковски по приглашению Эклстоуна летал на гонки в Стамбул и Шанхай, а потом и на другие этапы. Если крепко кого-то обнять, он теряет способность сражаться — а уж Эклстоун отлично умел нравиться тем, кому надо. Приобняв немца, он прогуливался с ним по паддоку и тихо отпускал крайне смелые замечания по поводу Фрэнка Уильямса, Денниса, Монтеземоло, Мосли, спонсоров и пилотов. Глава «Формулы-1» рассчитывал, что немец оценит его способность лавировать между интересами участников и всегда быть в курсе происходящего.

Постепенно Грибковски смягчился, стал говорить о примирении и сотрудничестве на благо «королевских автогонок», а Эклстоун всячески его в этом поддерживал. Для него помириться означало признать свою слабость. К тому же, проводя столько времени с банкиром, Эклстоун рассчитывал, что владельцы команд смирятся с текущим положением вещей. Впрочем, даже если команды не купятся на его дружелюбные разговоры с немцем, Грибковски должен оставаться на его стороне — и тут как

нельзя кстати были «повстанцы» из ГПЧМ, которые грозили уничтожить «королевские автогонки». «Формула-1» вступала в эпоху невиданных потрясений.

Хотя Лука Монтеземоло поддерживал восставших, судьба его команды зависела от «Формулы-1». После победы Михаэля Шумахера в 2002 году было продано четыреста «феррари» особой серии за 600 тысяч долларов каждая на общую сумму 240 миллионов долларов, что принесло компании немалый доход. Сам Монтеземоло получил премию в 19 миллионов долларов. Чтобы не снижать победного темпа, он выделил команде на 2003 год 295 миллионов долларов. Для сравнения: бюджет «Минарди» составил 27 миллионов — примерно столько «Феррари» тратила в 1990 году. Главные противники — Патрик Хед из «Уильямса» и Эдриан Ньюи из «Макларена» — не желали уступать в финансовой гонке, однако они оказались не готовы к трюкам итальянцев, способных на все ради победы.

В 2001 году «Феррари» заключила с «Бриджстоун» контракт на производство шин лучшего качества, чем те, что «Мишлен» поставлял их конкурентам. Кроме того, компания наняла две сотни специалистов для разработки компьютерных программ, которые будут контролировать машину от начала и до конца гонки. Рон Деннис не отставал — у него работали 120 программистов. У «Уильямса» был новый двигатель BMW, но неудачная конструкция корпуса, и он остался далеко позади. Сведись их соперничество лишь к технологиям и изобретательности разработчиков, Монтеземоло вполне мог бы объединить команды в борьбе с Экклстоуном. Его подвела самонадеянность.

В мае на Гран-при Австрии второй пилот «Феррари» Рубенс Баррикелло получил указание на последнем круге пропустить Шумахера, чтобы тот выиграл гонку. Когда недовольный этим решением немец во время прямой трансляции церемонии награждения вручил кубок своему товарищу по команде, трибуны засвистели еще громче. Болельщики возмущались, что «это уже ни в какие ворота», а Стирлинг Мосс назвал произошедшее «имид-

жевой катастрофой». Экклстоун, как обычно, уехал с автодрома задолго до финиша, а впоследствии заявил: «Случившееся на церемонии награждения — полнейшая глупость».

Мосли оштрафовал «Феррари» на миллион долларов, но Монтезомоло это не испугало. Шумахер шел на рекорд — одиннадцать побед в сезоне, — однако в сентябре вляпался в новую историю. На финишной прямой гонки в Индианаполисе немец пропустил на первое место Баррикелло. Телевизионные рейтинги резко упали, ушли несколько спонсоров — в их числе «Оранж» и «Дойче пост». «Гегемония “Феррари” вредит “Формуле-1”», — жаловался Экклстоун.

«Королевские автогонки» охватил кризис. В отчаянной попытке смягчить удар Экклстоун объявил:

— Зрителям кажется, будто бы исход предрешен. Это никому не нравится. Если бы Михаэль с Рубенсом бились на трассе настоящего, никто не утверждал бы, что гонки стали скучными.

Экклстоун старался спасти «Формулу-1». Зрители хотели, как в былые времена, видеть захватывающее зрелище, но не желали катастроф со смертельным исходом. «По-моему, необдуманный риск гонку не украшает, — говорил Экклстоун. — Я ни за что не поверю, что люди специально ходят смотреть на аварии. Этот как в цирке. Никто не хочет, чтобы гимнаст сорвался, но если это все же случится, то все жалеют, что пропустили представление. Никто не мечтает, чтобы он сорвался... Сейчас аварий столько же, сколько было раньше, но постепенно их становится меньше. Это хорошо».

Мосли добился серьезного прогресса в вопросах безопасности, однако его очень огорчала общая ситуация. «Феррари» мухлевала с результатами, но это еще полбеды. Сотни специалистов во всех командах бились над шинами, коробками передач, тормозами и электроникой — и все ради того, чтобы после выматывающей двухчасовой гонки на скорости под 200 миль в час обойти противника на одну десятую секунды. Невероятно: команды тратили на мизерное увеличение скорости 200 миллионов дол-

ларов в год, тогда как за 20 тысяч машина проехала бы круг на 10 секунд быстрее — но с нарушением технического регламента. Мосли боялся, что если не ограничить расходы автопроизводителей, то новые команды окажутся в заведомо проигрышном положении и «Формула-1» уже никогда не станет прежней. Ни с кем толком не посоветовавшись, он вдруг изменил правила: усложнил внедрение новейших технологий и ввел ограничение по числу двигателей и комплектов резины на команду.

— Я сорок лет в автоспорте и всегда ставил новый двигатель накануне гонки, — возмущался Фрэнк Уильямс.

— Что ж, придется привыкать, — ответил Мосли, которого раздражали воспоминания о перемазанных маслом механиках и алюминиевых корпусах на заклепках.

Уильямс знал, что его поддержат автопроизводители. Они хотели ехать быстрее и выигрывать. Монтеземоло возмущался нововведениями громче всех, поскольку новейшие технологии в «Формуле-1» стимулировали продажи суперкаров «Феррари». Он объяснял Мосли:

— Без новых разработок в «Феррари» упадут продажи, а команда «Формулы-1» живет именно с них.

Поддерживал недовольных и Рон Деннис, которому «Мерседес» выделил фактически неограниченный бюджет.

— Ты же просто плюешь на «Договор согласия», — говорил он Мосли.

Президент ФИА попытался успокоить недовольных, однако Деннис и Уильямс заявили, что ему нельзя доверять. «Мы тратим миллионы, а Макс взял и спустил все в унитаз», — возмущался Деннис.

В 2002 году ставки выросли. В «Формулу-1» пришла «Тойота». Крупнейший мировой автопроизводитель выделил солидный бюджет и рассчитывал выиграть чемпионат. На встрече руководства команд в «Хилтоне» возле аэропорта Хитроу англичанина Джона Хауэтта приветствовал лично Эклстоун.

Прошла всего пара минут, и Хауэтт ужаснулся царящему на встрече хаосу. Шести пунктам повестки дня было посвящено

в общей сложности две фразы. Экклстоун вел себя «неконструктивно, хотя и мило». Он постоянно пытался отвлечь внимание собравшихся спорами об издержках и различных операциях. Через два часа Хауэтт вышел с этого бессмысленного собрания в полной уверенности, что «Берни поздоровался, а затем сделал все, чтобы я чувствовал себя неловко».

К концу года «Тойота» набрала всего два очка, тогда как «Феррари» — 221. Чтобы улучшить результаты, Хауэтт планировал потратить в следующем году 250 миллионов долларов. Бюджет «Феррари» официально вырос до 302 миллионов, хотя кое-кто считал, что в действительности он еще больше. Экклстоун поражался, почему команды не хотят увеличить число этапов (вполне можно было проводить порядка тридцати гонок каждый год) — и при этом тратят все больше и требуют больше денег.

Доходы поступали в «Формула-уан менеджмент» из различных источников. Гран-при Канады, Венгрии, Малайзии и Австрии были крупнейшими спортивными событиями в этих странах, и власти там платили до 30 миллионов долларов. Гонка в Мельбурне стоила организаторам 60 миллионов, однако туда съезжалось 440 тысяч зрителей, что покрывало все убытки. ФОМ обеспечивала безукоризненную работу «труппы» все три дня «гастролей» — сюда входила трансляция, кубки, обслуживание зрителей, реклама и собственно гонка — и получала за это около 35 миллионов долларов при средних расходах порядка 19 миллионов (в Европе они были существенно ниже, чем на других континентах).

Основную прибыль «Формуле-1» обеспечивали телевизионные контракты. Гонки транслировались в прямом эфире на 125 стран. «Королевские автогонки» приносили порядка 700 миллионов долларов в год — из них 400 миллионов поступали от телевидения и владельцев трасс. Деньги распределялись между командами по скользящей шкале. Всего они получали 47% доходов от телевидения и еще порядка 35 миллионов долларов призовых — примерно 23% всей прибыли, если считать «Оллспорт». Большая часть прибыли приходилась на долю Экклстоуна, поскольку основные расходы

лежали на устроителях и командах. Он получал 77% всех поступлений, и теоретически три четверти их полагалось бы отдавать трем банкам. Тем не менее Экклстоун — вернее, трастовая компания «Бамбино» — забирает все 500 миллионов с лишним. Неудивительно, что у него образовалось много завистников, которые распространяли, например, такой анекдот: однажды Экклстоун прилетел на очередную гонку, но тут выяснилось, что жена забыла положить ему в чемодан трусы. Вместо того чтобы купить трусы в ближайшем магазине, он отправил за ними в Англию свой «Лирджет». Противники подхватили эту выдумку, которая подчеркивала колоссальное богатство Экклстоуна. Особенно усердствовал Монтеземоло, хотя точных цифр он не знал.

— Берни, мы мало получаем за телеправа, — брюзжал итальянец. — Ты и так очень много заработал. Это слишком большой кусок — у тебя будет несварение желудка.

Экклстоун не реагировал, зная, что легко собьет с итальянца всю спесь. Он размышлял, как прервать гегемонию «Феррари» и постоянные победы Шумахера.

Прежде всего Экклстоун заботился о привлекательности «шоу». Ему нужно было больше борьбы, больше обгонов и больше пилотов, которые думали бы о зрителях. Желая охватить весь мир, он подписал контракты на постройку автодромов в Бахрейне и Шанхае. На очереди была трасса неподалеку от Стамбула. ФОМ будет получать с них по 30 миллионов с лишним, притом что большая часть расходов ляжет на организаторов гонки.

Отдельно оплачивался вылет шести «Боингов-747» (три с оборудованием для трансляций и еще три — для команд) за пределы Европы. Экклстоун отрицал, что состоит в доле с конструктором всех новых автодромов Германом Тильке. «За гинейми¹ не охочусь», — повторял он старую поговорку с Уоррен-стрит.

¹ *Гинейя* — английская золотая монета, которая была в хождении до 1813 года и приравнивалась к 21 шиллингу. «Охотниками за гинейми» называли мошенников, которые незаметно стачивали золото с края монеты и продавали его.

Проникновение на мировые рынки не могло не радовать команды и спонсоров. Монтеземоло восхищался достижениями Экклстоуна, однако мечтал о большем. Он знал, что иногда глава «Формулы-1» награждает друзей особыми подарками.

В 2002 году Экклстоун в знак дружбы подарил Флавио Бриаторе права на трансляции в Испании, от которых отказались сами испанцы. Бриаторе воспользовался даром сполна: он пригласил в «Рено» (французский концерн к тому моменту купил «Бенеттон» вместе с самим Флавио) испанского пилота Фернандо Алонсо и предоставил своей команде льготные условия размещения рекламных роликов с Алонсо в ходе трансляции Гран-при Испании. Мало того, Экклстоун организовал в помощь своему другу еще и дополнительную гонку в Валенсии.

С другой стороны, уход команды Алена Проста обрушил рейтинги во Франции (впрочем, Монтеземоло это не интересовало). Канал TF1 выплатил Экклстоуну 13,2 миллиона долларов вместо 25,9 миллиона в прошлом году. Мало того, в декабре 2002 года рухнуло цифровое телевидение. Экклстоун потерял на этом по меньшей мере 50 миллионов фунтов, а также не досчитался 105 миллионов долларов от «Канал-плюс» и Кирша, в связи с чем пришлось уволить двести сотрудников.

— Не понимаю, почему никто не хочет платить сколько просят? — искренне недоумевал Экклстоун. — Поверить не могу, что платное телевидение провалилось. Ума не приложу, как так вышло!

Все эти трудности не волновали Монтеземоло. Он знал одно: после успехов Шумахера телерейтинги в Германии взлетели до небес и «Ай-ти-ви» вела переговоры о пятилетнем контракте до 2010 года на сумму 130 миллионов фунтов. Вся прибыль доставалась Экклстоуну (теоретически еще и банкам), тогда как команды получали от ФОА по 400 тысяч долларов за участие во всех гонках — и это притом что Экклстоун брал со всех в Европе примерно по 8 миллионов.

По расчетам Монтеземоло, от ГПЧМ «Феррари» могла получить больше денег за телетрансляции, чем от Экклстоуна. Разницу он

ощутил в 2002 году, когда у ФОМ не было контракта на этап в Монце. Решающую гонку смотрела четверть итальянских домохозяйств (1,3 миллиона человек), поскольку «Феррари» тогда боролась за титул. Победил Баррикелло, а Шумахер отстал от него всего на четверть секунды. По расчетам Монтеземоло, другие Гран-при привлекут такой же интерес аудитории, и тогда команды просто озолотятся.

Экклстоун притворился, что угрозы итальянца его не волнуют. Автодромы и телекомпании были связаны контрактами, и отколовшимся командам придется ждать, пока эти договоренности истекнут. Кроме того, у него был столетний контракт с ФИА, а также права на товарные знаки во всех странах мира. Наконец, он мог изматывать противника судебными процессами.

Монтеземоло тоже был настроен решительно. Он заявлял:

— Мы не в тюрьме. Английские футбольные клубы смогли организовать премьер-лигу, значит, и мы создадим свою лигу.

Дамоклов меч должен был упасть в конце 2007 года, когда истечет «Договор согласия». Времени оставалось еще много, поэтому воюющие стороны пока обменивались угрозами, а чемпионат шел своим чередом.

Три первые гонки 2003 года показали, что реформы Мосли пошли на пользу «Формуле-1». Шумахер не выиграл ни разу, а в лидеры вышел «Макларен». Гран-при Бразилии в Сан-Паулу собрал рекордную телеаудиторию — 4,4 миллиона зрителей в одной только Великобритании.

Через четыре дня Монтеземоло нанес свой удар. Глава команды «Рено» Патрик Фавр объявил, что все десять команд подписали юридические документы об учреждении ГПЧМ и создании альтернативного чемпионата. «На компромисс мы не пойдем», — провозгласил Фавр.

Дайалл из банка «Голдман Сакс» подыскивал преемника Экклстоуну. Рассчитывая поднять шум, Монтеземоло заявил:

— Экклстоун заработал кучу денег и стал одним из богатейших людей Британии, но он не желает делиться. Это его главная ошибка. Три четверти «Формулы-1» принадлежит банкам, а команды

получают всего 47% доходов от телетрансляций и вообще ничего от прочих поступлений. Это несправедливо. Мы говорили ровно то же три года назад, но тогда нас никто не слушал.

Экклстоун и раньше недолюбливал Монтеземоло, едко заметив, что тот «строит из себя Энцо Феррари, но ни на что не влияет и слишком много болтает». Теперь же он саркастически бросил:

— Кто говорит о жадности?.. Если Лука такой умный, то отчего же он не решит проблемы «Фиата»? — Монтеземоло входил в совет директоров итальянского автогиганта, находившегося на грани банкротства.

Подражая Монтеземоло, который, словно усталый актер, из года в год стenal об одном и том же, Экклстоун возмутился: «Команды хотят украсть мой бизнес. Они желают управлять “Формулой-1” и торговать с ее помощью машинами, словно на авторынке, да еще и не платить за это ни гроша».

Его злило непостоянство автопроизводителей, которые никогда не приходили в «Формулу-1» лет на десять. Они вечно то исчезали, то появлялись, в зависимости от экономической конъюнктуры, и, поигрывая финансовыми мускулами, рассчитывали воспользоваться преимуществами своего положения. Их вояжи неизменно заканчивались печально. Бюрократы в штаб-квартирах затягивали решение технических и тактических вопросов, и заводские команды постоянно проигрывали частным.

Кризис в «Ягуаре», который «Форд» в 1999 году выкупил за 65 миллионов долларов у Джеки Стюарта, только подтвердил его скепсис. Начальник команды Ники Лауда, получив 17 миллионов долларов, ушел под градом обвинений в ошибках при разработке двигателя и шасси. Одни винили во всем «слишком тяжелую» краску, другие — двигатель, который редко выдерживал даже два круга. Его преемнику Джону Хогану не удалось совладать с проблемами. Глава команды Рик Перри-Джонс ежегодно тратил по 125 миллионов долларов, но не мог справиться с неразберихой. За четыре года в «Ягуаре» сменилось четыре группы конструкторов, а из штаб-квартиры «Форда» в Детройте непрерывно поступали

новые указания. «Мятежников» возглавил именно Перри-Джонс, считавший, что машины заправляют не бензином, а купюрами.

— Его скоро уберут, — предсказал Экклстоун и оказался прав.

Экклстоун уверял Мосли: этой войны бояться нечего. Двадцать один год назад они сами безуспешно пытались отколоться от «Формулы-1» и теперь отметили изъяны в плане своих противников. Мосли включил в договор о столетней аренде пункт, по которому ФИА имела право вето на смену собственника «королевских автогонок», что не позволит ГПЧМ проводить гонки на автодромах, связанных с «Формулой-1» контрактными обязательствами.

— Пусть только шевельнутся — и судебные повестки полетят, как осенние листья, — заметил Экклстоун.

Монтеземоло и производители не испугались. Они стали через «Голдман Сакс» угрожать трем банкам, что после раскола те не вернут свои инвестиции, если сейчас не продадут акции со значительной скидкой. Покупать их за назначенные Грибковски 1,8 миллиарда «восставшие» отказались. Ситуация зашла в тупик, и довольный Экклстоун подзуживал немца не уступать командам. У него-то самого было в запасе четыре года!

Грибковски дал слабинку. Напуганный угрозами производителей, он решил договориться с ними, рассчитывая на выходе получить стабильный и прозрачный бизнес со справедливым распределением прав, обязанностей и доходов.

Экклстоун только усмехнулся. Он заметил, что команды могут сколько угодно говорить о равенстве, но Монтеземоло мечтает обратить ситуацию на пользу «Феррари». Стопроцентная надежность во всех семнадцати гонках — особенно с учетом постоянных проблем с двигателем у «Макларена» — гарантировала итальянской команде преимущество на трассе; Шумахер в 2002 году заработал как минимум 22 миллиона долларов — едва ли не четверть от того, что пришлось на долю всех остальных пилотов; а новые шины «Бриджстоун» оказались лучше «Мишлена». Однако Монтеземоло не желал довольствоваться победами на трассе — он перешел во внезапную атаку.

В начале 2003 года Росс Браун стал втайне от конкурентов фотографировать шины «Мишлен» во время гонки и выяснил, что их ширина под нагрузкой иногда превышает положенные 270 миллиметров. Монтеземоло тут же взвился и потребовал правосудия.

Мосли с техническим директором ФИА Чарли Уайтингом немедленно вылетели на «лирджете» ассоциации в Маранелло. По словам Мосли, исследование под микроскопом подтвердило, что специалист «Мишлен» Пьер Дюпаскье допустил ошибку. Французскому производителю пришлось срочно готовить новые покрышки на три последних гонки сезона, а в выигрыше оказалась «Феррари», которая спутала все карты «Уильямсу» с «Маклареном». Возмущенный очевидной предвзятостью Мосли, представитель «Макларена», где аббревиатуру ФИА ехидно расшифровывали как ««Феррари» и ассистенты», воскликнул:

— Добиться успеха в «Формуле-1» труднее, чем сбежать из Колдица¹, не дав этим ублюдкам тебя пристрелить.

Экклстоун умело разыграл свои карты, пользуясь разладом между командами.

— В «Феррари» прекрасно умеют манипулировать другими, а Макс им давно благоволит.

Он чуть ли не слово в слово повторил постоянные жалобы Денниса на все решения Мосли — в частности, на новые правила квалификации и дозаправок. Мосли в разговоре с одним журналистом охарактеризовал их автора так:

— Не буду называть его имя, чтобы никого не обидеть. Скажем так, сообразительностью он не блещет.

«Ужасно», — отозвался обо всей этой перебранке Экклстоун и слегка слукавил. Он знал, что Мосли только рад конфликту и пытается разжечь его посильнее, действуя через своего британского

¹ Колдиц — город в Германии, в замке по соседству с которым во время Второй мировой войны находился известный концентрационный лагерь. О жизни заключенных в Колдице в Британии был снят популярный телесериал. Успехом также пользовалась настольная игра «Побег из Колдица» и выпущенная по ее мотивам компьютерная игра.

пресс-атташе Ричарда Вудса. Сам Эклстоун тоже не одобрял новые правила и поддерживал команды в противостоянии с президентом ФИА. При этом он каждый вечер звонил в Париж и успокаивал Мосли:

— Макс, не волнуйся, мы справимся.

Они решили окончательно запутать противников и тем самым ослабить позиции ГПЧМ и автопроизводителей. Эклстоун завел свою обычную песню и шепотом сообщил: командам можно платить и побольше.

Прошло девять месяцев, и Грибковски вообразил, что сумел всех помирить. 19 декабря 2003 года на встрече в Женеве он предложил новый, десятилетний «Договор согласия», по которому командам причиталось еще 240 миллионов долларов сверх нынешних 174 миллионов. ФИА за 2004 год должна была получить 798 миллионов, из них 450 миллионов — от продажи телеправ. Таким образом, Грибковски удалось пробить нерушимый прежде барьер: впервые команды получают больше Эклстоуна.

Впрочем, доходы предполагалось распределять не поровну. По секретному соглашению более скромные команды: «Джордан», «БАР», «Заубер», «Тойота» и «Минарди» — не получали никаких дополнительных выплат, тогда как «Макларену» и «Уильямсу» полагалось еще по 12 миллионов долларов. Эклстоун особо отмечал, что «Феррари» причиталось еще 30 миллионов. Его расчет всегда строился на том, чтобы купить дружбу итальянской команды. Без «Феррари» все попытки отделиться были обречены на провал, и Монтеземоло в итоге остался доволен. Как заметил Мосли: «Для “Феррари” у Берни всегда особые условия, но в голове у него только один вопрос: “Сколько?” Себе — как можно больше, а “Феррари” — как можно меньше».

Грибковски радовался, что выход из тупика найден и раскол «Формулы-1» снят с повестки дня, однако Эклстоун все еще сомневался. Да, команды выторговали себе долю побольше, но они ею не удовольствуются. Борьба неминуемо разгорится снова.

На волне недавних событий им снова заинтересовалась пресса. Эклстоун быстро оценивал каждого входящего в кабинет

журналиста. Тех, кто собирался соваться в его личную жизнь, не подготовившись как следует, он встречал холодно или заговаривал им зубы, отвлекая от вопросов, на которые не хотел отвечать.

«Да, что бы там ни говорили, у меня есть родители, только последнее время я с ними редко вижусь, — рассказал он журналисту «Обсервер». — Времени не хватает. Отца я навещал пару лет назад. Боюсь, у нас мало общего — ведь домашними делами я не очень интересуюсь». Отец Берни умер четырнадцать лет назад. Про мать он говорил так: «Мать была мне просто матерью».

Экклстоун строил из себя жестокого, бессердечного одиночку. Читатель ни за что бы не догадался, что он регулярно навещал родителей, взял отца к себе работать, отправлял их отдыхать в Марбелью, платил за жилье и возил мать в коляске на прогулку. Никто не знал, что их фото постоянно лежат у него в бумажнике. В том же интервью Экклстоун утверждал, будто не пользуется услугами шофера, одежду детям почти не покупает, а сам всегда летает экономическим классом. Близкие друзья от души смеялись над этим невинным обманом, особенно вспоминая его личный самолет.

В четверг 4 марта 2004 года Экклстоун прибыл в Мельбурн на первый этап нового сезона. Мало кто сомневался в победе Шумахера на «феррари». Перед гонкой Экклстоун пригласил на ужин Грибковски, Брайана Пауэрса и Рона Уокера, а после еды объявил:

— А теперь едем играть. Кто со мной?

Вызвались Пауэрс и Грибковски. Они поднялись на верхний этаж отеля «Краун-Плаза», прошли через казино, и двое охранников пропустили их в отдельный зал, где играли по-крупному. Экклстоуна провели к столу для блекджека. Он должен был метать банк против шести мультимиллионеров, которых распорядитель пригласил сыграть с неограниченными ставками. Карты летали по зеленому сукну, и Экклстоун совершенно бесстрастно следил, как сотни тысяч долларов переходят из рук в руки.

Прошло пятьдесят минут, и распорядитель шепнул ему на ухо:

— Пришел мистер Рон Деннис с женой. Они просят разрешения к вам присоединиться.

Деннис стоял всего метрах в двадцати, ожидая разрешения войти, однако Экклстоун только чуть шевельнул губами в знак приветствия.

— Да, я его знаю, но у него не хватит денег. Не пускайте.

Деннис обжег его негодующим взглядом, но Экклстоун подумал, что тот его еще поблагодарит. Через сорок минут игра ему наскучила.

— Я ухожу, — объявил он абсолютно безучастно.

— Вы выиграли 400 тысяч долларов.

Проиграй Экклстоун ровно столько же, выражение его лица ничуть не изменилось бы. Покидая гостиницу, Грибковски наконец понял, насколько тот владеет собой. Экклстоун два года изображал искреннюю симпатию и тем самым притупил его бдительность. Все это время он вполне мог ссорить три банка друг с другом, говоря каждому что-то свое.

Однако все это пустяки по сравнению с тем, как он сбивал спесь с самодовольных деятелей «Формулы-1». Их баталии отозвались печальным эхом на провальном Гран-при в Мельбурне. Езда пелотона за Шумахером, который только что трибунам ручкой не махал, привлекла всего 100 тысяч зрителей. Как и предупреждал Мосли, новейшие компьютеры и другие технические новинки свели роль пилотов к минимуму. «Феррари» платила тысяче специалистов 300 миллионов долларов в год, чтобы те превратили «Формулу-1» из борьбы талантов в битву денежных мешков. Грибковски понял, что всего за одну ночь стоимость «Формулы-1» резко упала.

По пути в Европу Грибковски заново обдумывал свои отношения с Экклстоуном. Беда пришла, откуда не ждали: регуляторы немецкой банковской системы требовали предоставить подробные отчеты и дать «Формуле-1» финансовую оценку. Бывший торговец поддержанными машинами не показывал банку нужных документов, заставляя его нарушать закон. Телефонные конференции Грибковски с Маллинсом и секретарем компании СЛЭК Сашей Вудвард-Хилл представляли собой откровенный фарс. Оба юриста раз за разом отказывались предоставлять балансовые

отчеты, а Вудвард-Хилл никогда не собирала совет директоров, на котором можно было бы изучить бухгалтерские документы. Простой смертный не сумел бы продраться сквозь эти джунгли.

— Нас лишили всех прав акционера, — заявил Грибковски юристу Экклстоуна и добавил: — Я не намерен расставаться с вложенными средствами.

Он решил, что главное препятствие на его пути — это Вудвард-Хилл.

— Уйди с дороги, — заявил немец, — иначе будет больно.

Грибковски объявил войну ей, а значит, и Экклстоуну. Тот устраивал оборону и привлек своего давнего протеже Эдди Джордана.

23 апреля в Имоле Джордан объявил о существовании секретного приложения к предложенному Грибковски десятилетнему договору. По словам ирландца, три ведущие команды должны были получить 54 миллиона фунтов, а семь оставшихся — разделить между собой еще 60 миллионов, то есть Джордану почти ничего не останется. Он заявил:

— При создании ГПЧМ обещали, что мы получим больше. Это ложь.

Подготовленное Грибковски соглашение провалилось, чему Экклстоун был только рад. Джордан вскоре понял, что ему не по силам бороться с лидерами, и ушел из «Формулы-1», на которой заработал 100 миллионов долларов — и это притом что его команда выступала очень неровно.

В августе 2004 года Шумахер одержал двенадцатую победу в тринадцати гонках. Монтеземоло требовал еще 100 миллионов в год, хотя зрители понемногу теряли интерес к происходящему. Экклстоун критиковал даже пилотов за то, что те стали как клоны: «Все в одинаковой одежде, ведут себя хорошо и до смерти боятся хоть что-то сказать — вдруг не понравится боссам и спонсорам». Ему хотелось веселых негодяев, «как в старые добрые времена», и секс-машин вроде Джеймса Ханта. Он скучал по таким, как Найджел Мэнселл. «Найджел был волшебник. Блестящий пилот, публика сходила с ума».